актуальным, и умы математиков были заняты иными проблемами.¹⁰

Работая над трактатом, Эйлер адресовал его все же в первую очередь музыкантам, и именно их непонимание огорчало его больше всего. Не без оснований полагая, что основную массу читателеймузыкантов оттолкнула от его труда необычная манера изложения, обилие чисел и таблиц (они воспринимались как анахронизм, воскрешающий традиции античных и средневековых музыкальных трактатов), Эйлер в группе статей, опубликованных в 60—70-х гг. XVIII в., несколько изменил форму изложения. 11 Это относится к мемуарам «Очерк о смысле некоторых диссонансов» и «Об истинном характере современной музыки», напечатанным в Берлине, 12 «Об истинных основаниях гармонии», изданным в Петербурге, 13 а также к «Письмам к немецкой принцессе», 14 где в популярной форме затрагивается немало вопросов музыкальной теории. Но ожидаемого признания взгляды Эйлера все-таки не получили. Большинство музыкантов, писавших о его работах как при жизни ученого, так и после его смерти, оценивали результаты эйлеровских исследований отрицательно.

Хотя критики усматривали в музыкально-теоретических трудах Эйлера лишь негативный пример, определенный интерес эти работы все же вызвали — возможно, в связи с тем ореолом, которым было окружено имя Эйлера в естественнонаучных кругах. Уже через несколько лет после публикации «Опыта новой теории музыки» начальные три главы трактата были переведены на немецкий язык и опубликованы в «Musikalische Bibliothek» с пространными комментариями Л. Мицлера. 15 Язвительные замечания Мицлера во многом определили восприятие работы Эйлера теми, кто знакомился с ней в этом частичном немецком переводе.

10 Уже в XX в. выдающийся советский математик академик Н. Лузин высказался об этой работе следующим образом: «Для математиков там былослишком много музыки, а для музыкантов — слишком много математики» (Социалистическая реконструкция и наука. 1933. № 8. С. 8—9).

¹¹ Исследователь музыкально-теоретического наследия Эйлера Х. Р. Буш утверждает, что в мемуарах 60—70-х гг. Эйлер отказался от определения степени благозвучия — красугольного камня концепции «Tentamen» (см.: Busch H. R. Leonbard Eulers Beitrag zur Musiktheorie. Regensburg, 1970. S. 109). Это не соответствует истине. В поздних статьях Эйлер не пересматривал проблем, которые уже были рассмотрены в «Tentamen», а обратился к другим частным вопросам, которые разрешались вполне в духе первоначальной конпециии.

¹² Cm.: Euler L. «Conjecture sur la raison de quelques dissonances généralement reques dans la musique» et «Du véritable caractère de la musique moderne» // Mémoires de l'académie des sciences de Berlin. 1766. P. 165-199.

¹³ CM.: Euler L. De harmoniae veris principiis per speculum musicum repraesentatis // Novi commentarii academiae scientiarum Petropolitanae. 1774. P. 330-353.

¹⁴ Cm.: Euler L. Lettres. . . à une princesse d'Allemagne. Berlin, 1768— 1772. Vol. 1—3. Русский перевод: Эйлер Л. Письма о разных физических и филозофических материях, писанныя к некоторой немецкой Принцессе: В 3 ч. СПб., 1768—1774.

15 См.: Mizler L. Musikalische Bibliothek. Leipzig, 1746. Вd 3.